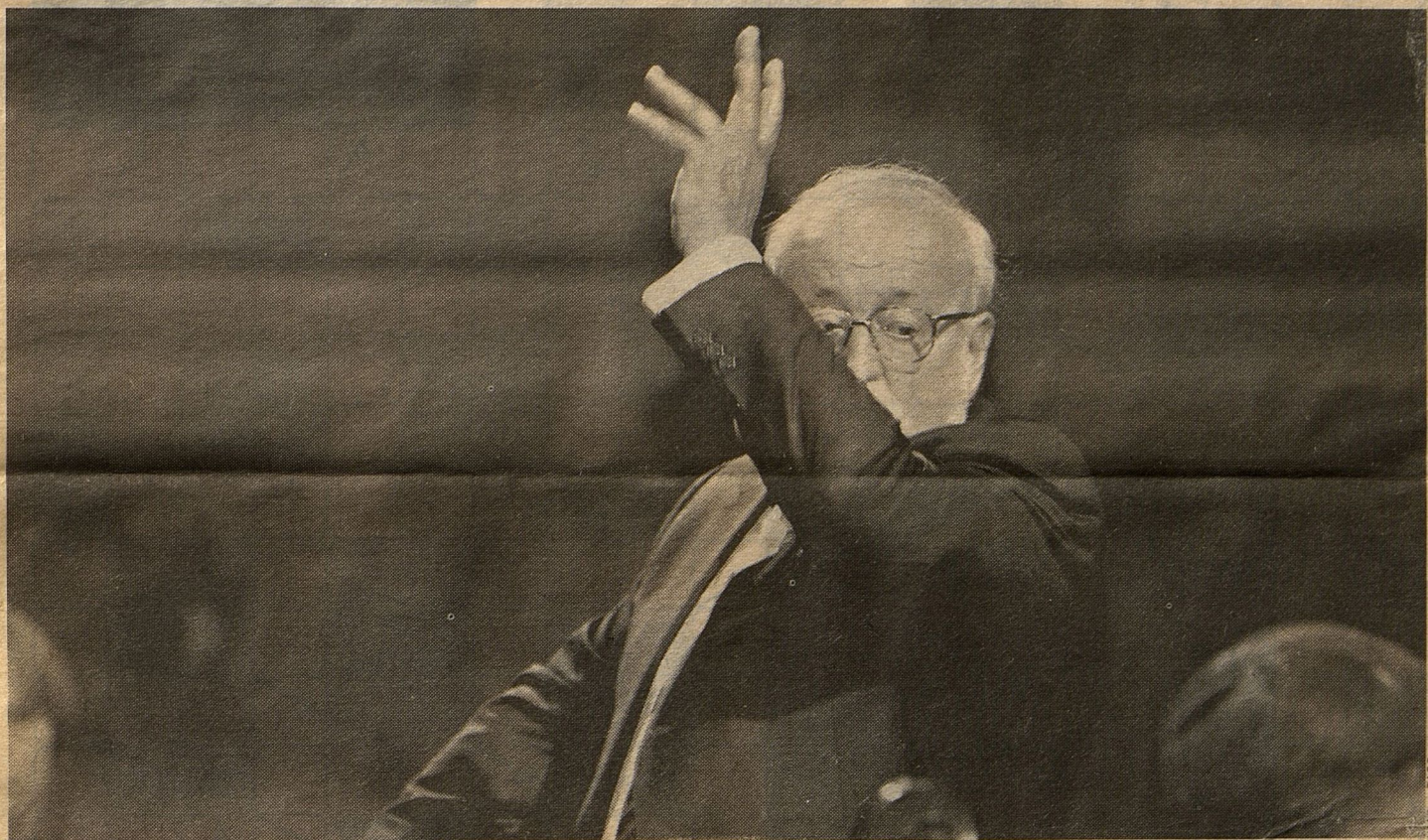

Искусство понятным не бывает

Кшиштоф Пендерецкий в Москве

персона

Дмитрий Абаулин

ВЧЕРА в новом Международном Доме музыки на Краснохолмской набережной состоялась московская премьера оратории выдающегося современного композитора Кшиштофа Пендерецкого «Семь врат Иерусалима». Масштабное произведение для пяти солистов, чтеца, трех хоров и симфонического оркестра прозвучало под управлением автора. Накануне концерта Кшиштоф Пендерецкий, отметивший в ноябре свое 70-летие, побеседовал с корреспондентом «РГ».

— Пан Кшиштоф, ваше произведение написано к юбилею Иерусалима. Что послужило непосредственным толчком к его возникновению?

— Это было уже почти десять лет назад. Мэр Иерусалима спросил меня, не смогу ли я написать какое-то произведение к 3000-летию города. Заказы тогда получили сразу несколько композиторов, в том числе Леонард Бернштайн, который, к сожалению, не успел осуществить свой замысел.

Задача была не такой уж простой. Что я могу написать для Иерусалима? Естественно, я размышлял над тем, что это священный город для трех религий. Но я никогда не имел дело с исламской традицией, не соприкасался близко с мусульманской музыкой. Поэтому я сконцентрировался на том, что мне было более знакомо.

Для оратории я взял канонические тексты из Ветхого завета. Они со мной всю жизнь, начиная с самых первых произведений, написанных почти полвека назад. Большая часть текста — псалмы Давида. Эти слова были написаны в Иерусалиме, говорят о нем, прославляют его.

Почему в заголовке вынесены «врата Иерусалима»? В тексте говорится о том, что врата города открыты для каждого. Всегда, днем и ночью. Для меня это образ мира. В те годы, в середине 90-х, я писал с действительной надеждой на то, что на землю Иерусалима придет мир. Сегодня это скорее мечта, чем надежда.

— В России привыкли к тому, что вы встаете за дирижерский пульт при исполнении своих сочинений. Однако в свое время в Кракове я был на вашем концерте, где звучала музыка Бетховена и Шостаковича. Насколько дирижерская деятельность интересна для вас?

— В нынешнем году я провел, если не ошибаюсь, семьдесят шесть концертов — не каждый дирижер может похвастаться таким количеством. Но это, конечно, особый год. А вообще я долгие годы был приглашенным дирижером в оркестре Гамбурга, сейчас — в Китайском филармоническом оркестре. И я далеко не всегда

исполняю только свои произведения. Другое дело, что в Москву я приезжаю не так уж часто. И мне в первую очередь хочется познакомить российскую аудиторию со своей музыкой.

А вообще для меня не существует каких-то особенных правил в выборе репертуара. Я не стремлюсь исполнять, допустим, только авангард. Наоборот, моя среда — традиция. Я много лет жил в Германии, и мне очень близка музыка немецких композиторов. Бах, полифонисты Возрождения, симфонисты XIX века — все это оказало на меня большое влияние. Моя аудитория — это люди, которые слушают не только современную, но и классическую музыку.

— Но в 60-е годы у вас была репутация авангардиста.

— Я и был авангардистом. Это был мейнстрим тогдашней музыки. Сегодня авангард остался в прошлом. Самые значительные произ-

Современная музыка

слишком сблизилась с поп-культурой.

В то же время высокое искусство деградирует.

ведения были созданы не менее чем тридцать — сорок лет назад. Само понятие авангарда так же принадлежит истории, как термины «Вторая венская школа» или французская «Шестерка».

То, чем занимаются сегодня композиторы, я бы назвал recycling. Переработка того, что было создано десятки лет назад. Сейчас пришло время эпигонов. Современная музыка слишком сблизилась с поп-культурой. Пишется очень много музыки для кино — такой приятной, удобной для прослушивания. В то же время высокое искусство деградирует.

Я уверен, что со временем все встанет на свои места, что музыка вновь будет существовать как подлинное искусство. Но мы должны сознавать, что настоящее искусство никогда не бывает общедоступным, понятным всем и каждому.

— Вы выросли и сформировались как композитор в Польше, затем много работали в Западной Европе и США. Сегодня вы живете в окрестностях Кракова. Менялось ли ваше мировосприятие с этими географическими изменениями?

— Я ощущаю себя европейским композитором. Я симфонист, а в Польше нет такой богатой симфонической традиции, как в России или Германии. Польский гражданин и европейский композитор — так, наверное, будет правильно.

■ Пендерецкий в свои 70 — живая легенда современной музыки.

На меня повлияли ренессансная музыка Италии и Нидерландов, Бах, к которому я возвращаюсь всю жизнь, Бетховен, Брукнер. Русская музыка тоже, особенно Шостакович и Прокофьев — это ведь была практически единственная современная музыка, которая была разрешена в то время, когда я учился.

Мне не кажется, что в моих произведениях так уж много специфически польского. Конечно, в определенные моменты я не мог оставаться в стороне от происходящего. Во времена «Солидарности» я написал несколько пьес, в которых использовались польские религиозные гимны, — в них всегда содержался мощный патриотический заряд. Это прежде всего Te Deum и «Польский реквием».

В то же время у меня не так уж много контактов с польскими коллегами. Столько же, если не больше, я общаюсь с композиторами из других стран.

— Вы регулярно приезжаете в Россию, были частым гостем и в советское время. Не было ли каких-то специфических трудностей в те годы?

— В первый раз моя музыка исполнялась в России в 1966 году. Это был «Плач по жертвам Хиросимы». Думаю, что произведение было выбрано по идеологическим соображениям, сыграло свою роль название. Но зато после концерта мне досталось за формализм. Состоялась встреча с советскими композиторами, на которой на меня порядком нападали не сами композиторы, кстати сказать, а музыковеды-охранители, которые там тоже присутствовали. И в то же время у меня всегда были теплые отношения с композиторами из России.

Трудности всегда были связаны не с людьми, а с системой. Помню, как я пытался поехать в Загорск в монастырь, чтобы познакомиться с церковной музыкой. А мне каждый раз отвечали: «Сегодня нельзя, там ремонт. Давайте когда-нибудь попозже».

— Вы приехали в Москву вместе с женой и дочерью. Вы часто путешествуете вместе с семьей?

— Нет, просто моя дочь очень хотела увидеть Москву. Она здесь в первый раз и полна впечатлений. Тем более сейчас, в преддверии Рождества, город очень красив. Я помню, что в мои первые приезды я ходил по абсолютно темным улицам. Сегодня Москва — фантастический город. Здесь кипит жизнь, в том числе музыкальная.

В Москве я впервые работал с Национальным филармоническим оркестром России. Трудно поверить, что он создан всего несколько месяцев назад. Это уже очень хороший оркестр.